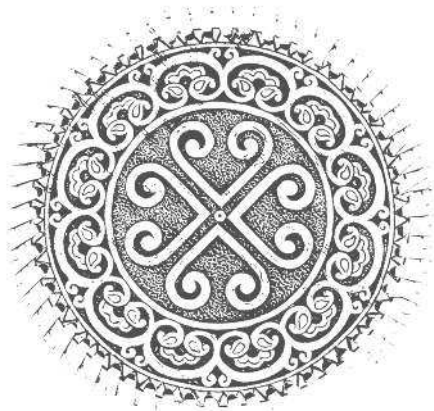


АРИАДНА БОРИСОВА



ПЕРЕКРЕСТЬЕ
ЗЕМНЫХ
ПУТЕЙ



Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б82

Оформление серии *П. Петрова*

Художник *О. Исаева*

Борисова, Ариадна.
Б82 Перекрестье земных путей / Ариадна Борисова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Эт-
ническое фэнтези).

ISBN 978-5-699-94609-9

Зло пришло на землю Элен, ожесточив и разделив людей. Добр и честен Атын — искусный кузнец, наделенный истинным даром, но черен его брат-близнец — шаман. Все больше волнуются люди, чувствуя приближение беды, злятся и подозревают друг друга. Даже красавица Илинэ, к которой тянется сердце Атына, оказалась в страшной опасности: ее обвинили в злом колдовстве и умерщвлении старейшины. Все ближе темное время, когда брат должен пойти против брата, недаром шаманы видят в небе, что сами звезды идут войной друг на друга. Грядет великое сражение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94609-9

© Борисова А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017



Брешь в таежных вратах

Сказание шестое

Домм первого вечера¹



ЕСТЬ ЛИ ТЕНЬ У ПРИЗРАКА



Власти и силы жеребец пепельно-пегой масти был отменной. Легко ли одному стеречь яловых кобылиц и пугливых маток с лоншаками²? Он охранял их от зверья, в бури-метели прятал с безветренной стороны утесов, не подпускал двухтравных неслухов, без присмотра шатающихся поблизости, а тем паче взрослых чужих жеребцов. Почуяв опасность, вожак поднял голову и беспокойно раздул ноздри. Нет, не пахло злым лесным стариком, не залегшим в берлогу. Не принес ветер и ненавистный запах серой стаи. Чей же наполненный терпкой тревогою дух щекотнул чуткий нос?

Жеребец отогнал кобыл в перелесок и поскакал навстречу незванным гостям. Могучие мышцы крестца вздыбились и заиграли от предвкушения грядущего события. Коль покажется пришлый косяк, жестокая трепка ждет дерзкого чужака, посмеявшегося подвести своих лошадей к занятому в горах пастбищу с заиндеветшей во впадинах травой! Если же приблизились

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

² Л о н ш а к — жеребенок до года.

устрашенные кем-то кобылицы, так неплохо будет пополнить гарем новыми женами... Но тут морду жеребца обдала струя кислого воздуха, знакомо насыщенного перебродившим молоком и железом. Всегда неожиданно являются эти двуногие! А ведь казалось, тягостные мысли о них за лето выжгло солнце!

Вожак застопорился, взрыв копытами стылую землю. Кольнула досадная память о том, как двуногие приучали его к послушанию. Дикий норов был обуздан не сразу и не вовсе, однако в той мере, чтобы не чинить людям препятствий в отборе, производимом в косяке ежегодно...

Путники залюбовались красавцем, что с яростно выкаченными глазами выскочил на тропу. Взвеваясь по ветру дымчатая грива, по высеребренной дневными лучами шерсти разбросались приметные пежины. Трепеща ноздрями, вожак захрапел для острастки на взлаявшую собаку и повернул к оставленным женам.

Прошлой буранной, многоснежной зимой трое друзей — Дьоллох, Атын и Билэр — помогали табунщикам возить сено для подкормки бродячего молодняка и жеребят. Этот блудный косяк едва нашли. В завьюженных горах тяжело добывать пищу. Немудрено копыта разбить о камень, да и какая пожива с тверди, известно скупой на мураву? Но хитроумный жеребец разведаль, что в широких изложинах южных склонов снег хоть и глубокий, но рыхлый, а смерзшийся травяной слой под ним толст и ломок. Получше тебенёвка¹, чем на болотине. Путаные лабиринты вытоптали лошади в сугробах между горными грядами, так что снизу распадки казались вышитыми опоясками в крутых великанских боках. Спугнешь кобыл — скрыться успеют, уйдут вслед за своим повелителем вверх по тайным тропам. Пока люди присматривались, над снежной гладью вынырнула голова сторожкого вожака. Он и в тот раз издали их почуял, догадался о подспорье по запаху привезенного сена. Тогда-то небось не ярился, особым раскатистым ржаньем созвал косяк...

¹ Тебенёвка — зимняя пастьба лошадей.

Нынче же снег задержался. Коровий месяц подошел к концу, а небо не торопилось набросить на землю пушистую доху. Мрачно чернел Великий лес, едва прикрытый рубищем палой листвы. Днем было ясно и холодно, ночи морозно потрескивали обледенелыми ветками. Лошади на равнинах маялись жаждой и трудно добывали воду, сообщая прорубая копытами полыньи в промерзших озерах. А табунок пегого жеребца доверился гограм, поднялся к вершинам и пил хрустальную воду высокогорных тарьёнов¹, не подвластных ни солнцу, ни зимнему сну.

Парни и травник Отосут приехали сюда по наказу малого схода. Жрец должен был осмотреть лошадей и заодно провести обряд заклятия против хищников. Другим аймачные старшины поручили пригнать в долину жеребых кобыл под домашний надзор и жирных яловых кобылиц на убой.

Круглый год вольно пасутся лошади вдали от нечистого человеческого жилья. Им редко грозят недуги. Осенью особенно приятно глянуть на округлые крупы с пышными метлами отросших хвостов, на игру мышц, меховыми мячами катающихся в спинных изгибах. Густая шерсть не дает мерзнуть нагулянному за лето жиру. Наверное, люди саха потому так стойки к стуже, что питаются самым здоровым и сытным мясом, какое только измыслили светлые боги. Табунщики различают девять степеней упитанности круглокопытных. Желательной тучности лошади достигают к началу зимы. В это время их плоть нежна, а сало под холками с ребро ладони. Вот только чересчур боязливыми становятся грузные кобылицы. Случается, чего-нибудь испугавшись, несутся сломя голову и погибают от разрыва крытых многослойным жиром кишок.

Дородность лошадей зависит от пастбищного выбора жожака. Но сам он, кроме щадящего хорея, не познает ни кнута, ни стрижки и умрет собственной смертью, когда к нему в должный срок прискачет Ёлю. Люди снимут с четвероногого старшины

¹ Тарьён — выпотевание воды на поверхности льда в водоемах горных речек.

красивую седую шкуру и предадут земле его тело с почестями и песнями, как полагается на похоронах вождя. Гордый дух старого жеребца снова послужит людям в туго натянутом табыке, призывая их к праздникам или, может быть, к войнам...

Отогнанный вожакос косяк вернулся. Парни спешили в сосновом перелеске, что неплотной каймой охватывал край горы. Под гривами выносливых верховых было влажно, но не мокро. Значит, скоро остынут, изживут потную усталость и ввечеру допустятся к подножному корму. Хорошая, говорят, пара — сытый всадник и голодный конь. Любому мальцу известно: перед длительной поездкой коня следует промять, подготовить к долгому пути в коротких пробежках. А после трудной дороги дать время выстояться без пищи и питья, не то взопреет и на глазах покроется взбухающими нарывами.

Старейшина Силис с согласия багалыка разрешил парням выбрать стригунов под седло. В предгорной долине встретились кучка любопытного молодняка. Неприкаянные жеребчики, отбитые от табуна ревнивым вожакос, увязались за людьми. Недолго было размотать на ходу тонкие ремни, связать скользящие петли так, чтобы головы входили свободно.

Казалось, метать не будет нужды, сами подставят под накинутые ужища покорные выи. Ан нет, лишь послышался посвист арканов — камнепадом застучали копыта, врассыпную брызнули испуганные лошадки. Не сразу затянулись петли над теми, на кого пал выбор, и ремни накрутились на крюки седельных луков. Теперь три стреноженных стригуна стояли рядом с верховыми, дико кося глазами, боясь даже малым прыжком двинуться с места. Пока день был в разгаре, парням не терпелось объездить их мордами к солнцу, дабы никакие тени пугливых не тревожили. Сбили покуда шалаш с толстым сосновым ложем, наполнили бурдюки свежей водой. Натаскали гору сушняка — до утра хватит костер кормить. Еле дождались похлебки. Дьоллох торопливо сдернул бурлящий котелок с рогули и пролил часть варева.

Отосут с толком-расстановкой собирався пообедать после благодарения местных духов. Наблюдал, как друзья обжигаются

горячей похлебкой, и не мог удержаться от смеха. Потом подумалось с грустной в душе улыбкой: отчего старики живут не спеша, будто впереди их ждет еще добрый осухой весен, а юные мчатся, точно на пятки им наступает ножища Ёлю?.. Одернул себя: не след, творя молитву, послаблять голову досужими мыслями. Надо покумекать, где будет складнее звучать заклятие — важное вспоможение к зиме радетельному жожаку. А ускачут сорванцы удаль тешить, закутается жрец в шкуры и подремлет на упругом лапнике, набираясь сил у здешней земли. Неизвестно еще, добром ли примут долинных гостей нравные горные духи.

Пес Мойтурук сообразил, что парни куда-то наострились — взволновался, свернул кольцом пушистый хвост и замельтешил вокруг. Радостно покусывал переметные сумы, волок зубами хворост: глядите, и я стараюсь, так не забудьте меня в забавах! Но впустую чаялись собачьи надежды — молодой хозяин велел сторожить лагерь и травника. Обиженно скуля, Мойтурук уткнулся Отосуту в ноги. Не хотел видеть, как веселый Атын взнудывает жеребчика. Даже горсть сухого творога — остаток скудного жреческого обеда — пса не утешила.

Едва травник допел последнее слово молитвы, парни запрыгнули на необъезженных лошадей и стиснули коленями тугие бока. Удаляясь по черной тропе, яркой поземкой взвихрились белые бабки мышастой лошадки, залученной Билэром. За нею улетел поджарый, темно-серой масти стригун Дьоллоха. Россыпь светлых пятен по пепельной шерсти Атынова избранника указывала на ближнее родство с пегим жожаком. Запрокидывая голову, жеребчик попытался встать на дыбы, но передние ноги перебрали воздух и гулко стукнули о землю копытами. Конек заржал изумленно, жалобно — острые железки удил больно врезались в губы. Седок удержался, стукнул строптивного в брюхо пятками. Тот снова издал пронзительный крик, будто провизжала тринадцативёсная деваха, которую ущипнули за округлившееся бедро...

Жрец качнул головой. Только б не сверзились наземь с незаседланных. Ну да был бы, говорят, нож отлит, а ножны найдутся,

был бы объезжен конь — сладится седло! Скоро новехонькое конское снаряжение закрасуется на столбах в мужской половине юрт. К возвращению домой капризные стригуны приучатся к сбруе и грузу, перестанут брыкаться, завьюченные, катаясь по земле. Если зима выдастся не слишком морозной и станет надобность в дальней поездке, будут готовы проходить под поклажей столько кёсов, сколько выдержит всадник.

Нет крепче и закаленнее лошадей, чем коренастые, длинношерстные лошади народа саха, зимою схожие издали со стогами сена, летом неприметные в разнотравье аласов. Нет сметливее их, диких, но не лютых, понятливых в укрощении и муштре. Ни в пище, ни в крове не зависят они от людей и были бы свободными детьми Бай-Баяная, да людям без них не прожить.



В развилке троп всадники унесли в разные стороны. Подика найди их теперь в путанице звериных и конских дорожек, источивших предгорье, как жучки большое дерево! Придерживая жеребчика, Атын тщетно вглядывался в редколесье, надеясь увидеть друзей. На свету в проемах тропинок иногда вырисовывались четкие фигурки ветвисторогих — то выскочит тонконогий гуран, то статный изюбр качнет новым кустистым венцом, но человек на коне не показался ни разу.

Атын настороженно прислушался к себе и рассердился. Измаяла душу потребность жаться ближе к людям из страха уединения. Надоело бояться близнеца, будто малыш темноты! Вдруг пришла странная мысль: а не придумал ли он, Атын, сам двойника? Может, нет его вовсе, а есть еженощный ужас, непременный морок, которому он дал зачем-то имя и облик?..

Да, но вечным напоминанием о Соннуке висит на спине обруч с мешком, полным одежды на случай его неожиданного явления... Встряхнувшись, окоротил себя: не ворожи, не приманивай призрака!

Расслабились поводья, и пегий поскакал наперегонки с ветром. Шапка срывалась, в ушах свистало озорно и щекотно. Жеребчик был испуган и разозлен, но не поддался ярости. Выбирал дорожки прямые и надежные, опасаясь шею свернуть ненароком или глаз выхлестнуть веткой. И седока, таким образом, поберег. Атын прижался к теплой шее конька. В какой-то миг почудилось, будто слился с мускулистым лошадиным телом, уподобился могучему Кудаю и несется, взметая копытами железную окалину с троп холма о трех поясах. Бегущий навстречу лес расступался нескончаемым сквозным коридором. Впереди ослепительно-белым шаром катилось косматое солнце... И звонкая радость наполнила душу, а на ум пришло крылатое имя для того, кто был живым и настоящим.

— Ты — Дайир, — шепнул Атын в притиснутое к затылку ухо стригуна. — Дайир, что значит Парящий!

Конь побежал весело, вольготно, забыл о гнете, вправду полетел-запарил по-над лесом. Дыхание Атына зашлось в ветре, прутками визгливого воздуха засекло лицо!

Но понемногу Дайир перешел на рысь, затем на шаг и, наконец, побрел, спотыкаясь, как дряхлый одер. Быстро выдохся с непривычки по первому разу. Не столь был еще крепок, чтобы долго скакать с тяжестью на хребте. Атын слез и, взяв уставшего стригуна под уздцы, неспешно двинулся рядом. Тот окатил разгоряченную щеку влагой шумного вздоха, мягко торкнулся мордой в плечо, то ли жалуюсь, то ли ласки ища. Признал хозяина.

Погладив красавца по белой проточине, льющейся меж глаз к ноздрям, Атын взъерошил его взмокшую холку. Подумал, что не даст холостить и стричь весной. Пусть грива Дайира растет вольно, как у отца-вожака, серебристым облаком дыбится над головой в прыжке и крутой остановке. Хотя, конечно, красивая внешность скакуна и проворные ноги с крепкими сухожилиями не залог выигрышей на скачках. Сила сердца, легких и духа, дерзкое стремление первенства — вот что умножает волю к победе. А потому за Дайиром нужно ухаживать как

за дитятей, не пресекая желаний быть обласканным, обучать с дальним прицелом и на празднике Новой весны опробовать в состязаниях. Надо вызнать секреты у тех витязей в дружине, что присматривают за боевыми лошадьми. Полученные от сильных маток и жеребцов, они содержатся в особой заботе. Ботуры, поднаторелые во возвращении коней, знают, сколько кёсов ежедневно должны одолевать отборные верховые шагом и бегом, когда следует кормить их жестким или мягким сеном, а когда сдобрить корм целебной накипью, снятой зимой со льда соляного источника. Летом Атын часто видел, как седые вояки купают лошадей в реках, вдосталь дают поваляться на горячем песке и после чистят шкуры скребницами. Боевые кони — лучшие скакуны. Подчиняются едва слышным командам и легким движениям всадников, умеют молниеносно останавливаться и разворачиваться на ходу, по приказу ложиться набок, подобно спящим и мертвым... Ничего не боятся. Отвагу и мужество им прививают, приучая к огню, звону клинков и неумолчному бою табыков. У ратных круглокопытных свое Посвящение, и однажды усвоенное они никогда не забывают.

Приятные думы остались за поворотом тропы. Атын почувствовал озноб. Холод пролился по животу, промозглой зябью проник в колени. То, что телу сразу стало просторнее и легче, совсем не обрадовало. Дайир забеспокоился, всхрипнул и попятился со вскинутой головой: чего-то испугался. Вернее, кого-то...

— Зачем ты вышел? — хмуро спросил Атын, не оборачиваясь, и снял с плеч мешок со скаткой одежды. — До твоего времени еще полдня.

— До твоего времени! — передразнил двойник, стуча зубами и в злобном нетерпении подпрыгивая на мерзлой земле. — Оправдываться велишь? Что же мне, живущему, будто в темнице, вовсе заказано наслаждаться солнцем, общим для всех?

— Наслаждайся. Только молча, если ты хоть немного на это способен!

Атын бросил мешок и едва не угодил близнецу в лицо. Тот извернулся, выбросил вперед руку, поймал мешок за ляжку, дер-

нул узел-туомтуу, спеша одеться-обуться. Он всегда мерз, зато не знал человеческих хворей. «Только воины могут похвастать умением облачаться так споро», — подумал Атын со смесью уважения и досады.

— Я хочу покататься на нашей лошади, раз уж ты, как всегда, не подумал обо мне и не взял вторую, — заявил Соннук.

— Дайир утомился.

— Хм-м, Парящий! Ты не соизволил посоветоваться со мной и дал кличку сам! Не настолько он заморожен, чтобы не выдержать мой вес! Я вполтину легче тебя.

Двойник лгал. По весу братья в последнее время почти сравнялись.

...Атын тщетно силился сделать Соннука настоящим человеком, год за годом призывая к колдовству шаманские умения и кузнечные инструменты. Снова и снова врывалась в темя двойника молния отраженного Сюра, снова огненная боль и хрустящая ломка сотрясали тела близнецов. На поверхностях граней волшебного камня бушевал поток, багровый, как кровь, а внутри было пусто и холодно. Наверняка существовала иная передача духа жизни, которая могла бы даровать плоть и силу призрачному телу, но Сата ее то ли не ведал, то ли не хотел открывать. Атын же и подавно не знал.

Каждый раз, поднимаясь с наковальни и становясь против света, Соннук спрашивал замирающим голосом:

— Есть у меня тень? Есть?!

Сам посмотреть не мог, слишком большая была пытка.

Юный кузнец молча опускал виноватую голову, не в силах глянуть в полные мольбы глаза близнеца, и они наливались отчаянными слезами. Вот что было в нем настоящим, как у всех людей — слезы, выжатые из крови для освобождения ее от горечи.

Но не зря говорят, что частые слезы, облегчая сердце плачущего, попутно отмывают сострадание ближнего. Пришло время, когда Атыну начали претить бесконечные стоны братца. Заметив это, разобиженный Соннук прекратил просьбы дать ему